

DOI 10.33920/nik-01-2410-05

УДК 811.161.1/101.78

О русскости русской музыки

About the Russianness of Russian music

© Клюев Александр Сергеевич¹,

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»

Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48

E-mail: aklujev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8643-930X

Klujev A.S.,

Doctor Habil. in Philosophy, Full Professor of the Herzen State Pedagogical University of Russia; Leading Researcher

at the Russian Institute of Art History

E-mail: aklujev@mail.ru

Статья поступила 17.09.2024.

Статья посвящена феномену русскости русской музыки. Отмечается, что для того, чтобы говорить о русскости русской музыки, необходимо для начала определить, что такое русскость. Подчеркивается, что это может сделать только человек, являющийся носителем русскости и кого на этом основании можно назвать русским человеком. Указывается, что русский человек — православный и для него русскость есть Сияние Силы и Славы Божией. В соответствии с пониманием русским человеком русскости разъясняется, что русскость русской музыки предопределена действием древнерусского православного пения — знаменного пения, воссиявшего Светом русской музыки. Обозначаются три яркие вспышки (зарева) этого воссияния, последовательно возникшие в трех типах русской музыки: светской, церковной и светско-церковной. В заключение акцентируется роль колокольного звона в русской музыке. Утверждается, что колокольное звучание, используемое в русской музыке, — наиболее яркое воссияние знаменного пения, а значит, самое мощное выражение русскости русской музыки.

Ключевые слова: русскость, русский человек, русская музыка, знаменное пение, колокольный звон, Бог, православие.

The article is devoted to the phenomenon of Russianness of Russian music. It is noted that in order to talk about the Russianness of Russian music, it is necessary to first determine what Russianness is. It is emphasized that this can only be done by a person who is a native speaker of Russianness and who on this basis can be called a Russian person. It is indicated that the Russian person is Orthodox and for him Russianness is the Radiance of the Power and Glory of God. According to the understanding of the Russian person of Russianness is explained that the Russianness of Russian music is predetermined by the action of ancient Russian Orthodox singing — znamenny singing, which shone with the Light of Russian music. Three bright flashes (glows) of this radiance are indicated, which have consistently appeared in three types of Russian music: secular, ecclesiastical and secular-ecclesiastical. In conclusion, the role of bell ringing in Russian music is emphasized. It is claimed that the bell sound used in Russian music is the most vivid illumination of znamenny singing, which means it is the most powerful expression of the Russianness of Russian music.

Key words: Russianness, Russian person, Russian music, znamenny singing, bell ringing, God, Orthodoxy.

¹ Сайт автора: <http://aklujev.ru>.

Сегодня разговор о русскости, в том числе о русскости русской музыки, чрезвычайно актуален. К сожалению, в наши дни у многих русскость вызывает раздражение (почему — это отдельная тема, которую, разумеется, сейчас нет возможности обсуждать). Зададим вопрос: *что такое русскость?*

На первый взгляд кажется, что ответ на этот вопрос лежит на поверхности: русскость — некое свойство, качество национальности; по национальности русский — носитель русскости. Но здесь не все так просто. Огромное число русских по национальности, особенно в наши дни, не являются носителями русскости, и, наоборот, некоторые нерусские по национальности: французы, немцы, бразильцы, — являются носителями русскости. *Так что же такое русскость?*

Думается, ответ на этот вопрос может дать именно тот, *кто является носителем русскости* и кого на этом основании по праву можно назвать *русским — русским человеком* (вводим новую категорию: «русский человек», то есть придаем русскому человеку онтологический статус). *Кто же такой русский человек и как он понимает русскость?*

Черты русского человека отчетливо обозначили святители Руси: Сергей Радонежский, Нил Сорский, Максим Грек (кстати, Максим Грек — грек по национальности). Особенно ярко и лаконично их сформулировал преподобный Нил Сорский в своем «Уставе скитской жизни». Вот они:

- бегство от внешнего к внутреннему;
- нестяжательство;
- чистота помыслов;
- любовь к ближнему;
- жажда встречи с Богом (идея спасения) [11].

Очевидно, что русский человек — религиозный человек — *Homo religiosus*, а поскольку он русский человек и, значит, его родиной в буквальном, физическом, или духовном смысле является Россия, в которой главенствующая религия — православие, *это человек православный*.

То, что русский человек — православный, утверждали многие выдающиеся русские, обладавшие русскостью, писатели, ученые. Например, Ф.М. Достоевский подчеркивал: «Русский народ весь в Православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет — да и не надо, потому что Православие все... Кто не понимает Православия — тот никогда и ничего не поймет в народе. Мало того; тот не может и любить русского народа, а будет любить его лишь таким, каким бы желал его видеть» [6, с. 64]. А однажды он даже отождествил: «Что православное, то русское» [5, с. 173].

Таким образом, для русского человека русскость связана с православием. *Но что такое православие для русского человека?* (Серьезнейший вопрос, ведь православие исповедуют не только русские, но и другие народы: сербы, греки, румыны, эфиопы, не говоря уже о грузинах, молдаванах, белорусах и украинцах.)

Итак, вопрос о том, что такое православие для русского человека, чрезвычайно важный (и, надо сказать, чрезвычайно сложный, не случайно даже у религиоведов существуют разные ответы на него). Попробуем предложить свой ответ. У нас он развивается как бы по принципу *крещендо*, используемому в музыке.

Мы полагаем, *православие для русского человека есть Сила Бога* (христианского Бога, в единстве трех Его Ипостасей: Бога-Отца, Бога-Сына и Бога — Духа Святого), которая превосходит силу земли (природы), что, в частности, выражается в способности Бога повергнуть смерть («...смертию смерть поправ»). И поскольку в сознании древних русских людей импульсы земли были связаны с поведением языческих богов — Перуна, Велеса и других, неудивительно, что приведший Русь к православию князь Владимир превосходство Силы Бога над силой земли выразил тем, что на холме, где ранее находился жертвенник Перуна, воздвиг храм в честь своего небесного покровителя — святого Василия Великого.

У русского человека Сила Бога — одновременно и Слава Бога. Показательно, что в молитве «Отче наш», главной молитве не только христиан, но и иудеев (у иудеев она именуется «Авину мálкену») и мусульман (мусульмане ее именуют «Аль-Фáтиха»), именно в православной ее версии молитва завершается словами:

[Ибо] Твое есть царство, и сила,
и слава во веки веков. Аминь.

(Эти заключительные слова молитвы, безусловно, Хвала, Славословие Творцу!)

Наконец, *для русского человека Сила и Слава Бога заключены в Свете Бога* (Нетварном Фаворском Свете, явившемся апостолам на горе Фавор), который Бог по Воле Своей Благодатно излил на Русскую землю, дабы Русская земля сохраняла и утверждала в мире Его Силу и Славу и светилась Его Светом.

И вот, прояснив понимание русским человеком православия, пожалуй, уже можно сказать, что такое для русского человека русскость. *Для русского человека русскость есть Сияние Силы и Славы Божией.*

Определив русскость (для русского человека), попробуем выяснить, как она заявляет о себе в русской музыке.

Поскольку русскость связана с православием (взрастает и утверждает в лоне православия), очевидно, что при разговоре о русскости русской музыки речь должна идти о *православной музыке*. Иными словами, в первую очередь — о *знаменном пении, то есть молитвенном пении в православном храме*. (В основе знаменного пения лежит русская народная лирическая песня. По сути, знаменное пение — русская народная лирическая песня, принявшая христианство, православие.) Сразу возникает вопрос: *а музыка ли знаменное пение или это особым образом выраженная молитва?*

На этот счет существуют две точки зрения. Согласно первой, принадлежащей в основном священнослужителям, но и некоторым исследователям Богослужебного действия, знаменное пение — род молитвы. Эту точку зрения наиболее четко выразил В.И. Мартынов. По суждению ученого, материалом, составляющим содержание знаменного пения, является Слово, и при его пропевании используется некая тонаема, «которая обозначает не какой-то конкретный звук, а переход с одного звуковысотного уровня на другой или постоянное пребывание на одном и том же уровне» [10, с. 109].

В соответствии со второй точкой зрения, отстаиваемой композиторами, регентами и певцами церковных хоров, а также некоторыми богословами, знаменное пение — вид церковной музыки. Так, например, считает

известный богослов В.Н. Лосский. Как отмечает Лосский (кстати, в работе, текст которой в виде приложения приводится в одной из книг Мартынова!), в знаменном пении при всем значении слова предопределяющая роль принадлежит музыке. «Евангельское послание, — указывает Лосский, — это... слово (которое. — А.К.) ... может быть лишь “ссылкой” на более существенное слово — ...Воплощенное Слово. “Литургическое” слово — проповедь... которая... не терпит “тщетных слов”, не прошедших семикратного очищения огнем. Музыка призвана служить именно этому очищенному слову, связывающему со Словом Божиим...» [9, с. 237]. (Автор этих строк поддерживает вторую точку зрения.)

Особенно глубоким, сакральным содержанием обладает знаменное пение в момент исполнения «Херувимской песни» во время Божественной Литургии. В этот момент поющие в храме уподобляются поющим на небе ангелам (поэтому пение в храме называется *ангелоподобным*). При этом поющие на небе ангелы светятся и становятся все более просветляющимися, приближаясь к Источнику Света — Богу! Как пишет святитель Григорий Палама: «(Ангелы. — А.К.) являются светом, и всегда исполняются светом, и сами становятся все более и более светящимися... в радости ликуя близ Первого Света...» [4, с. 224]. Значит, и уподобляющиеся ангелам поющие в храме тоже становятся все более и более светящимися, сияющими...

Знаменное пение существовало в православном Богослужении до середины XVII в., после чего было заменено партесом. Но что поразительно: знаменное пение не ушло, не угасло. Оно, как некогда легендарный град Китеж, погружившийся в озеро Светлояр, погрузилось в глубину истории, чтобы оттуда, из глубины веков, лучезарно воссиять Светом русской музыки!

Как нам представляется, это воссияние имело три яркие вспышки (зарева), последовательно проявившиеся в трех типах русской музыки: *светской*, *церковной* и *светско-церковной* (светско-церковная музыка, собственно, «третий пласт» русской музыки, воспользуемся понятием «третий пласт», предложенным В.Дж. Конен для характеристики совершенно другой музыки).

Первой вспышкой, что любопытно, возникшей именно в светской (!) музыке, стала опера М.И. Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») (1836). Каким образом?

Отметим, что работе Глинки над оперой предшествовала его работа над «Херувимской песней» (которую он создавал, ориентируясь на традиции русского церковного пения).

Над «Херувимской» Глинка начал работать в 1828 г., но не закончил, не написал заключительную часть — «Яко да царя», живописующую ожидание и обретение Царя Небесного, а принялся за создание оперы «Жизнь за царя», в финале которой — «Славься», по сути, осуществил замысел «Яко да царя» (совпадение и мелодического материала, и тональности — до мажор). По мнению Натальи Бекетовой, «“Славься” — изначально был внутренним сюжетом оперы, “запрограммированным” еще “Яко да царя”» [1, с. 59–60]. (Впервые «Херувимская» Глинки в полном виде была исполнена Придворной певческой капеллой в 1837 г., то есть через год после премьеры «Жизни за царя»).

Второй вспышкой, обнаружившейся в церковной музыке, стало сочинение П.И. Чайковского «Литургия Святого Иоанна Златоуста» (1878). Как отмечал

Чайковский, создавая это произведение, он мечтал о возрождении в Русской православной церкви «исконного церковно-русского пения» [16, с. 272].

Чайковский применяет в «Литургии» элементы антифонного звучания разных хоровых составов, стремясь сочинять в традиции и духе Богослужбного пения, опирающегося на антифонное (ангелоподобное) пение.

Особенно выразительна в «Литургии» «Херувимская песнь» (№ 6-й), в которой он следует «Херувимской песне» Глинки. (Только если у Глинки «Херувимская» — в до мажоре, у Чайковского — в ми миноре — си мажоре.)

Финал «Херувимской» Чайковского, — «Аллилуйя», — звонкий, яркий, блестящий, причем композитор многократно превышает допустимое число «Аллилуйя». В обиходной «Херувимской песне» обычно бывает только три «Аллилуйя», у него — 11! По точной мысли Евгения Тугаринова, «Чайковский распевает “Аллилуйя” 11 раз, чем выражает некую символику бесконечного ликования» [15].

Третьей вспышкой внутри светско-церковной музыки явилось сочинение Г.В. Свиридова «Песнопения и молитвы» (1980–1997). Это произведение исполняется на сцене, но имеет глубоко литургический смысл (написано на слова из литургической поэзии). Как пронизательно отмечала Ирина Бровина, строение «Песнопений и молитв» «вызывает ассоциации с вариантностью и разомкнутостью церковной службы, где каждое песнопение представляет собой элемент в структуре более высокого порядка» [2, с. 110].

В соответствии с традицией антифонного (ангелоподобного) пения в некоторых песнопениях Свиридов использует разделение на два хора. Одна часть хора (меньшая по составу — возможно, «прихожане»), другая (большая — возможно, «ангелы»). И, конечно, Свет. Благодаря особой ладовой организации песнопений, где лады мажорного и минорного наклона сливаются в один лад, в них возникает эффект, названный Юрием Паисовым эффектом «таинственного свечения хоровых созвучий» [12, с. 185].

По словам Свиридова, с помощью этого эффекта «нарисовано лицо сильной выразительности или... Божественный лик» [13, с. 245].

И последнее.

В русской музыке всегда, на всех ее исторических этапах активно использовался колокольный звон. Вне всякого сомнения, *колокольные звоны* — *характернейшая черта русской музыки*. Как восклицал В.В. Стасов: «В который это раз являются у нас *звоны*: без них русская школа жить не может...» [14, с. 349]. А Борис Асафьев сетовал на то, что «до сих пор сравнительно мало обращалось внимания на присутствие в (музыке. — А.К.) русских композиторов... колокольного звона» [3, с. 13]. *С чем это связано?*

Дело в том, что колокольный звон — наиболее яркое воссияние знаменного пения в русской музыке. А поскольку это так, то, значит, *колокольное звучание, используемое в русской музыке, — самое мощное выражение русскости русской музыки*. (Дополнительно о нашем понимании русскости русской музыки см. в работах [7; 8].)

Библиографический список

1. Бекетова Н.В. Глинка — Мусоргский: Гармония и кризис русского исторического бытия // Южно-Российский музыкальный альманах. — 2021. — № 1 (42). — С. 55–62.

2. Бровина И.В. Поэтика «Песнопений и молитв» Г.В. Свиридова и древнерусская певческая традиция // Музыка во времени и пространстве: памяти Г.В. Свиридова. «Песнопения и молитвы» Георгия Свиридова в контексте современной духовной культуры России (23–25 сентября 2003 г., Курск): Материалы открытой Всероссийской научной конференции. — Курск: Изд-во КГУ, 2007. — С. 108–121.

3. Глебов И. Чайковский. 1840–1893: Опыт характеристики. — Пг.: Светозар, 1922. — 62 с.

4. Григорий Палама св. Омилия 22 // Григорий Палама св. Омилии (беседы). Часть 1 / Пер. с греч. архимандрита Амвросия (Погодина). Репринт. изд. — М.: Паломник, 1993. — С. 223–230.

5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 24. — Л.: Наука, 1982. — 518 с.

6. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 27. — Л.: Наука, 1984. — 463 с.

7. Ключев А.С. 10 статей по русской философии музыки: Сб. статей [Материалы к курсу «История русской философии»]. — СПб.: Изд-во РХГА, 2023. — 102 с.

8. Ключев А.С. Русская философия музыки: Статьи 2010–2020-х годов. — М.: Прогресс-Традиция, 2024. — 240 с. [В несколько сокращенном виде данная работа была опубликована в Чехии на английском языке: *Klujev A. Russian Philosophy of Music: 2010s and 2020s articles. (Transl. from Russ.) Ostrava: Tukulart Edition & European Institute for Innovation Development, 2023. — 154 p.]*

9. Лосский В.Н. Богословские основы церковного пения / В.И. Мартынов. История богослужебного пения: Учебное пособие. — М.: РИО федеральных архивов; Русские огни, 1994. — С. 233–238.

10. Мартынов В.И. Пение, игра и молитва в русской богослужебной певческой системе. — М.: Филология, 1997. — 205 с.

11. Нил Сорский, преп. Устав и послания / Сост., пер., комм., вступ. ст. Г.М. Прохорова. — М.: Институт русской цивилизации, 2016. — 240 с.

12. Паисов Ю.И. Мотивы христианской духовности в современной музыке России // Традиционные жанры русской духовной музыки и современность: Сб. статей, исследований, интервью / Ред.-сост. Ю.И. Паисов. — М.: Композитор, 1999. — Вып. 1. — С. 150–189.

13. Свиридов Г.В. Музыка как судьба / Сост., авт. предисл. и комм. А.С. Белоненко. — 2-е изд., дораб. и доп. — М.: Молодая гвардия, 2017. — 795 с.

14. Страницы жизни Н.А. Римского-Корсакова: Летопись жизни и творчества / Авт.-сост. А.А. Орлова и В.Н. Римский-Корсаков; вступ. ст. А.А. Орловой. В 4 вып. Вып. 2. 1867–1893. — Л.: Музыка, 1971. — 375 с.

15. Тугаринов Е. Духовное творчество П.И. Чайковского как отражение его религиозности [Электронный ресурс]. — URL: <https://rusregent.ru/library/stati-o-regentax-i-czerkovnyix-horax/chajkovskij.html> (дата обращения: 06.12.2023).

16. Чайковский П.И. Полн. собр. соч.: В 63 т. Т. 63 / Подг. и вступ. ст. Л.З. Корабельниковой и М.П. Рахмановой; примеч. М.П. Рахмановой. — М.: Музыка, 1990. — 279 с.

References

1. Beketova N.V. Glinka — Musorgskij: Garmoniya i krizis russkogo istoricheskogo by`tiya // Yuzhno-Rossijskij muzy`kal`ny`j al`manax. — 2021. — № 1 (42). — S. 55–62.

2. Brovina I.V. Poe`tika «Pesnopenij i molitv» G.V. Sviridova i drevnerusskaya pevcheskaya tradiciya // Muzy`ka vo vremeni i prostranstve: pamyati G.V. Sviridova. «Pesnopeniya i molitvy» Georgiya Sviridova v kontekste sovremennoj duxovnoj kul`tury` Rossii (23–25

sentyabrya 2003 g., Kursk): Materialy` otkry`toj Vserossijskoj nauchnoj konferencii. — Kursk: Izd-vo KGU, 2007. — S. 108–121.

3. *Glebov I.* Chajkovskij. 1840–1893: Opy`t xarakteristiki. — Pg.: Svetozar, 1922. — 62 s.

4. *Grigorij Palama sv.* Omiliya 22 // Grigorij Palama sv. Omilii (besedy). Chast` 1. Per. s grech. Arximandrita Amvrosiya (Pogodina). Reprint. izd. — M.: Palomnik, 1993. — S. 223–230.

5. *Dostoevskij F.M.* Poln. sobr. soch.: V 30 t. T. 24. — L.: Nauka, 1982. — 518 s.

6. *Dostoevskij F.M.* Poln. sobr. soch.: V 30 t. T. 27. — L.: Nauka, 1984. — 463 s.

7. *Klujev A.S.* 10 statej po russkoj filosofii muzy`ki: Sb. statej [Materialy` k kursu «Istoriya russkoj filosofii»]. — SPb.: Izd-vo RXGA, 2023. — 102 s.

8. *Klujev A.S.* Russkaya filosofiya muzy`ki: Stat`i 2010–2020-x godov. — M.: Progress-Tradiciya, 2024. — 240 s. [V neskol`ko sokrashhyonnom vide dannaya rabota by`la opublikovana v Chexii na anglijskom yazy`ke: *Klujev A.* Russian Philosophy of Music: 2010s and 2020s articles. (Transl. from Russ.) Ostrava: Tuclear Edition & European Institute for Innovation Development, 2023. — 154 p.]

9. *Losskij V.N.* Bogoslovskie osnovy` cerkovnogo peniya / V.I. Marty`nov. Istoriya bogoslužebnogo peniya: Uchebnoe posobie. — M.: RIO Federal`ny`x arxivov; Russkie ogni, 1994. S. 233–238.

10. *Marty`nov V.I.* Penie, igra i molitva v russkoj bogoslužebnoj pevcheskoj sisteme. — M.: Filologiya, 1997. — 205 s.

11. *Nil Sorskij, prep.* Ustav i poslaniya. / Sostavlenie, perevod, kommentarii, vstup. stat`ya G.M. Proxorova. — M.: Institut russkoj civilizacii, 2016. — 240 s.

12. *Paisov Yu.I.* Motivы` xristianskoj duxovnosti v sovremennoj muzy`ke Rossii // Tradicionny`e zhanry` russkoj duxovnoj muzy`ki i sovremennost`: Sb. statej, issledovanij, interv`yu / redaktor-sostavitel` Yu.I. Paisov. — M.: Kompozitor, 1999. — Vy`p. 1. — S. 150–189.

13. *Sviridov G.V.* Muzy`ka kak sud`ba / sostavitel`, avtor predisloviya i kommentarijev: A.S. Belonenko. — 2-e izd., dorab. i dop. — M.: Molodaya gvardiya, 2017. — 795 s.

14. Stranicy zhizni N.A. Rimskogo-Korsakova: Letopis` zhizni i tvorchestva / Avt.-sost. A.A. Orlova i V.N. Rimskij-Korsakov; vstup. stat`ya A.A. Orlovoj. V 4 vy`p. Vy`p. 2. 1867–1893. — L.: Muzy`ka, 1971. — 375 s.

15. *Tugarinov E.* Duxovnoe tvorchestvo P.I. Chajkovskogo kak otrazhenie ego religioznosti [E`lektronny`j resurs]. — URL: <https://rusregent.ru/library/stati-o-regentax-i-czerkovnyix-xorax/chajkovskij.html> (data obrashheniya 06.12.2023).

16. *Chajkovskij P.I.* Poln. sobr. soch.: V 63 t. T. 63 / Tom podgot. i vstup. st. L.Z. Korabel`nikovoj i M.P. Raxmanovoj; primech. M.P. Raxmanovoj. — M.: Muzy`ka, 1990. — 279 s.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья написана без привлечения финансирования.

Conflict of interests. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The article was written without attracting funding.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!
ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ»
МОЖНО С ЛЮБОГО МЕСЯЦА!
ВСЁ О ПОДПИСКЕ — НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ЖУРНАЛА.